

ДВОРЯНСТВО ВЪ ЧЕРНОМОРІИ И НА КУБАНИ.

Черноморіа начала заселяться съ 1792 года Запорожскими казаками. Колонизируя Сѣверный Кавказъ, правительство исходило изъ вѣрной мысли, что только такимъ образомъ можно упрочить обладаніе этимъ краемъ. Переселеніе Черноморскаго войска изъ-за Буга на берега Кубани до сихъ поръ еще мало выяснено. Матеріалы объ этомъ покоятся въ мѣстныхъ архивахъ въ ожиданіи изслѣдователя.

Демократическое по происхожденію и составу, казачество также демократически относилось къ своему начальству. Случаевъ, когда сегодняшний походный атаманъ, превращался завтра въ простаго рядового, было много*). Поэтому первоначальнаго дворянства, какъ сословія съ особыми правами, не существовало въ войскѣ. Казаки искали не мирнаго труда, а случая проявить свою силу и удалъ въ лихихъ набѣгахъ. Они не прочь были даже пограбить купцовъ и царскихъ людей. Степи Черноморіи предоставляли имъ въ этомъ отношеніи полный просторъ. Здѣсь жили кочующіе народы, а дальше къ горамъ шли аулы горцевъ. Прошлаго у казачества не было... Первоначальный Запорожецъ, явившись въ войско, начиналъ жизнь здѣсь новую, отличную отъ прежней, часто съ довольно темнымъ прошлымъ... Его цѣнили здѣсь по удали и силѣ; а случаевъ проявиться этой удали было не мало. Тогдашняя жизнь была ключемъ; казацкія шашки не ржавѣли, кони не застаивались и сами казаки не облѣнивались... Привеллигированными лицами въ такихъ случаяхъ являлись „удальцы-богатыри“, прямые кандидаты на полковниковъ и атамановъ, если только они пользовались популярностью среди массы казачества... Это первоначальный фазисъ образованія привеллигированнаго сословія среди войска. Значеніе челоуѣка здѣсь принадлежало его личности и обуславливалось ею. Второй фазисъ, который сталъ развиваться уже по переселеніи на Черноморію—это привеллигированность, передаваемая по наслѣдству. Были честолюбивыя энергичныя личности, которымъ не хотѣлось быть бывшими полковниками, а хотѣлось это званіе закрѣпить болѣе прочно за собою и распространить его на своихъ близкихъ. Создаются въ казачествѣ *старшины*. Въ XVIII в. мы встрѣчаемъ такую вариацию привеллигированности. Часто войсково

*) Вспомнимъ живыя, фотографически переданныя сцены избранія кошевого въ „Тарасѣ Бульбѣ“.

кругъ изъ уваженія къ заслугамъ отца назначаетъ на должность его сына. Признакомъ этого начинаютъ служить фамиліи прозвища, какъ отличія опредѣленнаго рода. вмѣстѣ съ появленіемъ ихъ возникаетъ и фамиліиная гордость и болѣе рѣзкое обособленіе отъ низшаго казачества. Какая нибудь „фамилія“ начинала пріобрѣтать особое значеніе и вступала въ связь съ другими фамиліями, оказывавшими ей моральную и матеріальную поддержку. Войсковой такимъ образомъ кругъ начинаетъ принимать видъ аристократическаго учрежденія. То было время подчиненія казачества центральному правительству. Образовался союзъ между центральнымъ правительствомъ, оказавшимъ поддержку этимъ знатымъ казачьимъ родамъ, давая имъ права и привилегіи, и этими казачьими родами, которые отстаивали интересы правительства среди остальной массы казачества. Наконецъ, въ случаѣ раздоровъ среди этого знатнаго казачества, противники за поддержкой обрапались къ берегамъ Балтійскаго моря, зная, что тамъ можно получить много милостей... Появляется стремленіе къ полученію почетныхъ сабель, медалей, жалованныхъ ковшей и т. д. Правительство мудро использовало эти стремленія. Наконецъ, появляется среди казачества и чины; при этомъ, завѣтной мечтой является чинъ бригадира—этотъ символъ высшей аристократіи, которымъ награждались немногіе.

Въ такомъ періодѣ мы застаемъ Черноморское казачество, когда оно переселилось на Кубань. Изъ привелигированныхъ лицъ мы встрѣчаемъ войскового судью, полковника Головатаго, посланнаго въ Петербургъ съ просьбою о дарованіи войску земель Сѣвернаго Кавказа. Просьба имѣла успѣхъ. Императрица пожаловала кромѣ того кошевому атаману и старшинамъ войсковымъ по 20000 руб. ежегодно, рѣзко выдѣляя ихъ отъ другихъ казаковъ¹⁾. „Мы представляемъ правительству войсковому расправу и наказаніе“, писала она въ грамотѣ. При этомъ кошевой атаманъ получалъ 1000 руб., войсковой судья 800 руб. 1-го Юля 1792 г. была пожалована другая дополнительная грамота, даровавшая привилегіи высшему казачеству, чтобы Таврической губернаторъ имѣлъ попеченіе объ отысканіи и доставленіи старшинамъ войска Черноморскаго справедливо и законно принадлежащаго имъ имѣнія, „что же касается, говорилось здѣсь, до пожалованныхъ отъ генерала фельдмаршала князя Таврическаго по сему войску штабъ и оберъ офицерскіе чины старшинъ, онымъ о дачѣ патентовъ указали мы нашей Военной Коллегіи“.

На прощальной аудіенціи, Головатый произнесъ хорошую рѣчь Государынь, которая дала депутатамъ хлѣбъ и соль²⁾.

„Ой годі намъ журитися
Пора парестати.
Дождалися отъ Царниці
За службу заплати
Дала хлѣба сѣль и грамоти
За вірнія служби,
Отъ теперь ми, милі брати,
Забудимъ всі нужди и т. д.

¹⁾ См. Высоч. грамоту отъ 30 Юня 1792, (Военный сборникъ 1868 № 4 и 5).

²⁾ Головатому принадлежитъ и пѣсня про это

Другимъ привеллигированнымъ семействамъ являются Чепѣги. Кошевой атаманъ Чепѣга пишетъ Государынѣ о полученіи ими хлѣба и соли, и сабли, „*ассинованной мнѣ*, за которую приношу Вашему Величеству, всеподданнѣйшую, глубочайшую мою благодарность, съ опредѣленіемъ себя за неувядаемую, восчувствованную въ сердцѣ моемъ высокомонаршую и благотворительную милость по вѣкъ преданнѣйшимъ, сверхъ долга моего и обязанности, во всѣхъ начертаніяхъ слугою“.

Далѣе мы встрѣчаемъ войскового полковника и арміи преміеръ-маіора Савву Леонтьевича Бѣлаго, командующаго флотиліей, которая отправлена для занятія пожалованной войску земли, и бригадира и флота капитана Павла Васильевича Пустошкина. Уже къ 1 Ноября 1792 г., спустя два мѣсяца послѣ высадки казаковъ Черноморскихъ, числилось: шесть полковниковъ, шесть полковыхъ старшинъ и шесть полковыхъ есауловъ, (къ сожалѣнію фамиліи ихъ неизвѣстны). Чепѣга прибылъ на р. Ею сухопутной дорогой.

Къ числу переселившихся привеллигированныхъ должно отнести и тѣхъ девятерыхъ войсковыхъ старшинъ, которые упоминаются въ рапортѣ капитана Василія Неякаго, объѣхавшаго поселенія вѣрнаго Черноморскаго войска за Бугомъ въ 1792 г. Черноморское казачье войско тогда не было еще правильно организовано и пополнялось притокомъ „вольныхъ людей“, которые и составляли одинъ изъ элементовъ колонизаціи; безъ участія ихъ оно не смогло бы оберегать длинную береговую линію отъ Усть-Лабы до устьевъ Кубани и раскнутыя на 30,000 кв. верстъ, пожалованныхъ Екатериною“.

Изъ другихъ фамилій привеллигированныхъ лицъ мы встрѣчаемъ преміеръ-маіоръ Гулика и секундъ-маіора—Юзбаша, депутатовъ, посланныхъ отъ войска въ Екатеринославъ для наблюденія за болѣе правильнымъ выселеніемъ казаковъ.

Въ донесеніи поручика Жеребцова, командированнаго на Тамань Таврическимъ губернаторомъ, мы встрѣчаемъ упоминаніе фамилій подполковниковъ: Сутона, кромѣ уже упомянутыхъ Юзбаша, и Головатаго.

Центромъ правленія являлся г. Екатеринодаръ, упоминаемый въ концѣ 1793 г.; здѣсь сосредоточивалось и мѣстное привеллигированное сословіе. Составъ его выясняется въ любопытномъ „наказѣ вѣрнаго войска Черноморскаго господамъ полковникамъ, бунчуковому товариществу, полковымъ старшинамъ, куреннымъ атаманамъ и всему войску“).

Тамъ говорится: да будетъ въ войскѣ войсковое правительство, навсегда управляющее войскомъ на точномъ и непоколебимомъ основаніи Всероссийскихъ законовъ, безъ малѣйшей отиѣны, въ которомъ засѣдать должны атаманъ, кошевой, войсковой судья и войсковой писарь“. Вотъ центральное ядро, откуда сформировалось мѣстное дворянство. Въ составъ его должно отнести отчасти

*) Военный Сборн. 1868 г.

старшинъ, атамановъ и полковниковъ, входившихъ въ окружныя правленія городовъ. Фанагоры, Бейса, Гйска и Григорьевска. Въ дальнѣйшей исторіи мы встрѣчаемъ подполковника Тимофея Котляревскаго, войскового писаря. Если ко всѣмъ этимъ чиновнымъ лицамъ прибавить и семьи ихъ, то получимъ сплоченный высшій классъ державшій крѣпко власть въ своихъ рукахъ къ этому ядру примыкають и другіе роды, представители которыхъ имѣли менѣе важныя чины.

Эти чины уже требовали особой обстановки—конвоя, адъютантовъ, что выдѣляло ихъ отъ общей казачьей массы въ одно цѣлое, хотя и мало отличавшееся умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ, но зато гордое своими заслугами и царскими наградами. Такъ какъ размѣры экономической дѣятельности были ни для кого не ограничены, то это сословіе заводитъ въ степи мельницы, хутора и т. д. Въ этихъ хуторахъ селятся разный элементъ „подъ паннами“, т. е. подъ покровительствомъ пановъ.

Старшины, яко вожди и наставники и попечители общихъ войска благъ (такъ выражались тогда) имѣли привилегію при своихъ хуторахъ поселять родственниковъ и вольножелающихъ (т. е. безпаспортныхъ, бѣглыхъ)“.

Въ первыхъ свѣдѣніяхъ о населеніи войска въ Черноморіи отъ 1802 года мы находимъ изъ высшаго круга лицъ одного генерала отъ инфантеріи, одного прокурора, одного войскового атамана, восемь подполковниковъ, двадцать капитановъ и тридцать подпоручиковъ. Вотъ какъ разросся этотъ слой.

Вмѣстѣ съ этимъ начинается постепенно мѣняться и патриархальный бытъ казачества вообще и высшаго слоя въ частности. Появляются кареты и экипажи, въ домахъ уже видны украшенія, привезенныя изъ походовъ кавказскіе ковры; появляются серебряныя и др. вещи. Полковникъ Бурсакъ въ письмѣ отъ 3 Іюня 1807 г. Дюку де Ришелье просить о перенесеніи казенныхъ крѣпостныхъ семействъ изъ внутреннихъ губерній Россіи. При этомъ расхватъ земли высшимъ слоємъ идетъ такъ энергично, что Ермоловъ въ письмѣ изъ Вѣны пишетъ, чтобы войсковая канцелярія разсмотрѣла этотъ вопросъ о частныхъ хуторахъ, потому что „не каждый изъ таковыхъ (лицъ) употребляетъ въ пользу свою количество земли умѣщенное и, захвативъ излишнее, отъемлетъ у поселанина необходимое“.

Такихъ хуторовъ оказалось до 525; изъ нихъ 114—чиновничьи. При этомъ составленъ списокъ съ означеніемъ и времени ихъ возникновенія.

Въ 1795 г. устроенъ одинъ хуторъ.	Въ 1802 г. устроенъ одинъ хуторъ.
„ 1796 г. „ два „	„ 1803 г. „ два „
„ 1797 г. „ одинъ „	„ 1804 г. „ восемь „
„ 1798 г. „ одинъ „	„ 1805 г. „ два „
„ 1799 г. „ два „	„ 1806 г. „ двадц. девять „
„ 1800 г. „ одинъ „	„ 1807 г. „ четыре „
„ 1801 г. „ десять „	

Въ высочайшемъ рескриптѣ Ермолову, сказано „крестьянъ на земляхъ войсковыхъ поселенныхъ, коихъ чиновники ими владѣющіе не пожелаютъ перевести на земли или имѣнія въ другихъ губерніяхъ имъ принадлежація, обратить въ казаки, сдѣлавъ имъ подлежащее удовлетвореніе¹⁾).

Въ рапортѣ Паскевича къ барону Дибичу отъ 9 Декабря 1828 г.²⁾ говорится, что крестьянъ записанныхъ за чиновниками, *имѣющими право на владѣніе*, по 7-й ревезіи 453 души, дворовые люди и прислуга, не живущіе на земельныхъ участкахъ. Слѣдовательно здѣсь сложилась прочная классъ дворянъ, частію изъ первыхъ поселенцевъ—казаковъ, частію изъ переселившихся сюда позднѣе дворянъ изъ внутреннихъ губерній.

С. Фарфоровскій.

Еще про убіеніе Француженки Симонъ-Деманшъ.

(Изъ частнаго письма къ издателю „Русскаго Архива“).

...Относительно Симонъ вамъ скажу, что графъ Е. А. Сальясъ³⁾ однажды мнѣ рассказывалъ всю эту исторію, какъ онъ ее зналъ. Онъ передавалъ мнѣ оба варианта (убійство дворовыми и убійство Сухово-Кобылинымъ). Вотъ чего не встрѣчалъ я въ печати.

Когда кучеръ и поваръ вывезли трупъ за заставу и, бросивъ близъ дороги, повернули назадъ, вдругъ поваръ оглянулся и сказалъ:

— Она бѣжитъ за нами!

Кучеръ оглянулся, и тоже ему показалось, что Француженка бѣжитъ за ними и какъ бы догоняетъ. Кучеръ ударилъ по лошади. Они проскакали нѣсколько минутъ и когда оглянулись, она уже больше не бѣжала; но они конечно не думали, что это галлюцинація и потому рѣшились вернуться и прикончить съ нею. Они нашли ее лежащую на прежнемъ мѣстѣ, и тутъ поваръ перерѣзалъ ей горло.

Этотъ эпизодъ графъ Сальясъ рассказывалъ такъ, что становилось страшно...

*

Для исторіи Русской общественности, для всеобщей психологіи нужна подробная біографія Александра Васильевича Сухово-Кобылина. Былъ онъ челоувѣкъ необыкновенный, и самый внѣшній видъ его, если судить по портретамъ, изъ ряду вонъ. Подобно многимъ Русскимъ людямъ, онъ въ произведеніяхъ пера своего выразилъ лишь малѣйшую часть своихъ дарованій. Со времени его кончины идетъ уже второе полстолѣтіе, слѣдовательно возможно полное безпристрастіе. П. Б.

¹⁾ Актъ Археогр. Кавказской комиссіи т. VI, ч. II, стр. 657.

²⁾ Тамъ же т. VII, стр. 920.

³⁾ Родной племянникъ А. В. Сухово-Кобылина.